

Прошли века, как во сне, но разве можно сравнить их с человеческой жизнью?

Пятьдесят лет пролетели, словно белый конь, проскакавший мимо щели в заборе, — мгновение, и след простыл.

Чжао Шань успешно достиг пика Закалки Апертур. Однако, выковав три семени истинного магического искусства, он осознал, что предел его возможностей близок. Попытаться выковать еще одно было уже решительно невозможно.

И Чжао Куйюань, и сам Чжао Шань понимали: настало время прорываться на ступень Закладки Основания.

Глядя на ученика, готовящегося к уединению, Чжао Куйюань предавался тяжелым раздумьям.

Его собственный путь в прошлом был до боли похож на путь Чжао Шаня. Несмотря на то, что наставник не раз предупреждал его, он, будучи юным и самоуверенным, кичился своим талантом.

Он возомнил, что сможет овладеть тысячами магических искусств и десятками божественных способностей, чтобы перейти на стадию Закладки Основания с девятью высшими техниками или даже одним бессмертным искусством.

В итоге он скрупулезно высчитывал каждую секунду, погрязнув в совершенствовании высших техник, и попытался совершить прорыв в самый последний момент.

Но годы были потрачены впустую, и всё закончилось ничем. Первый прорыв провалился, и, хотя спустя долгое время он всё же достиг Закладки Основания, его фундамент был серьезно поврежден. С тех пор мечты о создании Благословенных Земель и Гротов-Небес стали лишь пустыми грезами.

Если не обрести бессмертие, то какой прок от высокого уровня магической силы?

Видя в Чжао Шане самого себя, он и сделал его своим личным учеником.

— Возьми, Чжао Шань. Я уже давно выменял для тебя в семейном павильоне эликсиров высшую пилюлю Закладки Основания. Она поможет повысить твои шансы лишь на двадцать процентов. Удастся ли тебе достичь успеха, зависит только от тебя самого.

Чжао Куйюань протянул пилюлю ученику и произнес это низким голосом.

Чжао Шань молча принял дар и лишь после трех земных поклонов ответил:

— Учитель оказал мне великую милость, которую мне никогда не отплатить. Я буду служить вам до конца ваших дней. Надеюсь, что этот прорыв увенчается успехом и я смогу обрести свои Благословенные Земли.

— Ха-ха, хорошо! Я буду ждать, когда ты прорвешься, чтобы ты мог позаботиться обо мне в старости.

Чжао Куйюань рассмеялся и непринужденно покинул пещеру Чжао Шаня.

...

— Я сделал это! Ха-ха-ха, я сделал это! Я теперь культиватор стадии Закладки Основания! Ха-ха-ха-ха!

...

— Увы, совершить прорыв в фальшивом Мире Грез... Неясно, принесет ли это покой моему сердцу и разрешит ли внутренние противоречия.

Спустя долгое время, сопровождая слова долгим вздохом, Ли И вновь открыл глаза. Ночь начала терять свою таинственность, а холодный лунный свет — угасать.

Ли И не спешил вставать. Он закрыл глаза, чтобы систематизировать плоды второго погружения.

По сравнению с первым разом, успехи в симуляции Мира Грез оказались куда значительнее: алхимия, возделывание духовных полей и множество новых рецептов эликсиров вызывали у него радость.

— Сон был прекрасен, но в реальности ему уже больше ста восьмидесяти лет. Он давно перешагнул предел жизни для стадии Закладки Основания. Даже если внешне он выглядит молодым, его жизненная энергия и дух уже истощены.

— Обладая опытом успешного прорыва в иллюзии, он всё же не может компенсировать упадок духа и энергии. Совершить прорыв в яви — задача сложнее, чем подняться на небо.

— Если он всё же решит рискнуть всем ради последнего шанса, я заранее поздравляю этого даоса с успехом и продлением жизни на несколько десятков лет, — пробормотал Ли И, закончив разбор полученных знаний.

— Я полностью освоил методы практики стадии Закалки Апертур. Если еще немного попрактиковаться в симуляции, переход к Закладке Основания не станет проблемой.

— Что до алхимии — пусть мастерство Чжао Шаня ограничено лишь уровнем Закалки Апертур, для текущих целей этого вполне достаточно.

— Если в будущем удастся раздобыть методы создания магических инструментов и артефактов, будет совсем хорошо.

— Теперь остается лишь дожидаться окончания Великого Собрания Вознесения, найти подходящее место для медитации и одним махом ворваться на стадию Закладки Основания. О техниках для последующих уровней подумаем позже.

— Что касается Древа Просветления, хватит и трех раз.

В глазах Ли И постепенно сгустился туман. Чтобы Чжао Шань больше не пытался войти в Мир Грез, Ли И решил заставить древо «завянуть» от чрезмерного истощения.

Если возникнет необходимость, он всегда сможет заставить его пустить новые ростки.

В любом случае, шерсть с Чжао Шаня уже сострижена практически дочи́ста, продолжать — значит тратить силы впустую. А удастся ли ему прорваться — зависит лишь от его решимости и удачи.

Приняв решение, Ли И перестал размышлять и продолжил погружение в симуляции.

Лицо Чжао Шаня, проснувшегося после нескольких неудачных попыток вновь войти в Мир Грез, выражало глубокое разочарование и смятение.

А когда он обнаружил, что Древо Просветления окончательно засохло и погибло, он, охваченный истерикой, перекопал всё вокруг, но не нашел ровным счетом ничего.

...

Два дня спустя, несмотря на всю свою досаду, Чжао Шань вовремя появился на Платформе Вознесения. Мастера боевых искусств со всех уголков стекались к Алтарю Проверки Духа. Горожане, словно отмечая великий праздник, толпами спешили увидеть грандиозное зрелище Собрания Вознесения.

Ли И, затерявшись в толпе простых людей, тихо подошел к городу Фэнло.

В воздухе развевались знамена, столичная армия государства Сун оцепила периметр, поддерживая порядок.

Чиновники и генералы государства Сун выстроились по обе стороны платформы, а правитель стоял на возвышении, с почтением глядя на Чжао Шаня, восседающего в единственном кресле в центре.

Однако, в отличие от дня прибытия, когда Бессмертный наставник Чжао выглядел одухотворенно и благосклонно, излучая свет истинного пути, сегодня его глаза были полны раздражения, разочарования и скрытой злобы. Он выглядел человеком, истощенным излишествами.

Атмосфера на собрании стала гнетущей.

— Начинайте.

Раздался старческий голос Чжао Шаня. Он слегка махнул рукавом, и из него вылетела простая миниатюрная дверца, которая на ветру мгновенно выросла в огромные ворота высотой в несколько метров.

Чудеса, сотворенные бессмертным, тут же вызвали у толпы возгласы изумления и поклоны.

— Тот, кто сможет толкнуть эту дверь, отправится вместе со мной на Континент Бессмертных, чтобы вступить в бессмертную секту.

Холодный голос Чжао Шаня разнесся над площадью. После этого он закрыл глаза и умолк.

По знаку правителя, мастера боевых искусств, ведомые чиновниками, потянулись к воротам.

Всякий раз, когда кто-то проходил сквозь них, возникали сверхъестественные знамения: летали драконы, плясали фениксы, в пустоте распускались цветы. Даже издали зрители понимали — кандидат прошел проверку.

Люди подходили и отходили: кто-то проходил с первой попытки, кто-то бился изо всех сил, но был вынужден отступить, не сумев даже сдвинуть створки.

Наконец, один молодой мастер, не сумев открыть дверь, гневно выкрикнул:

— Я — Ань Лань! В три года я обрел разум, в пять начал постигать боевые искусства. Я тренировался в лютые морозы и зной, а в шестнадцать, удерживая на весу огромный колокол, был непобедим среди мастеров. В восемнадцать я прорвался на ступень Сяньтянь! Все в мире называли меня талантом, равным падшим бессмертным!

— С моим даром я не могу открыть эту дверь? Уверен, здесь что-то нечисто!

— На вершине Сяньтянь я возвышаюсь над миром. Лишь я, Ань Лань, достоин стать бессмертным!

После гневного выкрика юноши в толпе началось волнение.

— Это же Ань Лань! Я слышал о нем. Говорят, он родился с необычными знаками, его называли гением, какого не встретишь и за пятьсот лет!

— Это он? Я тоже слышал. Не думал, что даже он не сможет открыть врата бессмертных.

— Если даже такой талант не прошел проверку, неужели здесь действительно...

Вжих!

Чжао Шань, сидевший с закрытыми глазами, внезапно открыл их. Он лишь слегка щелкнул пальцами — летающий меч пронзил сердце мастера.

Молодой человек, еще мгновение назад считавший себя непобедимым, рухнул, заливая землю кровью. Лишь едва слышно можно было разобрать, как он бормотал что-то вроде: «Юй То, спаси меня...»

Расправившись с Ань Ланем, Чжао Шань снова закрыл глаза и холодно бросил:

— Продолжайте.

Испытание шло своим чередом.

Для бессмертного все остальные — лишь муравьи.

Неважно, легендарный ли ты гений или выдающийся мастер.

Сказал он, что ты подходишь — значит, подходишь.

Сказал, что нет — значит, даже если ты подходишь, ты всё равно не пройдешь!

Тех, кто посмеет возразить, ждет смерть.

Ли И сокрушенно вздохнул про себя. Хотя он давно знал истинную подоплеку этого Собрания Вознесения, видеть всё это своими глазами было нелегко.

Он холодно взглянул на возвышающиеся врата. Жаль, что Чжао Шань не владеет искусством создания артефактов — если бы можно было понять устройство этих врат, возможно, нашелся бы способ проскользнуть внутрь контрабандой.

«Да ну и ладно, сначала нужно самому достичь Закладки Основания». Он начал присматривать себе цель среди тех, кто успешно прошел проверку.

Внезапно Ли И увидел знакомое лицо.

Прекрасная, словно облако, заслоняющее луну, грациозная, как снег, кружащийся на ветру.

«Она тоже пришла? Если подсчитать время, она как раз должна была достичь ступени Сяньтянь».

Воспоминания нахлынули на него, и в душе Ли И поселилась грусть.

Однако он быстро отогнал эти мысли. Выбрав наугад случайного счастливчика, не обремененного высоким происхождением, он оставил на нем метку, перестал следить за собранием и тихо покинул площадь.

Чем дальше он уходил от Платформы Вознесения, тем сильнее давили на него подавленные было чувства.

Семнадцать лет прошло с тех пор, как он оказался в этом мире. Он, только что закончивший университет, попал в аварию и очнулся в теле юноши. С тех пор он пробивал себе путь в мире боевых искусств, закаляясь и взрослея.

За эти годы, несмотря на жизнь скитальца и кажущуюся легкомысленность, он стал зрелым человеком.

Мечты юности — это идеалы, от которых мужчина не может отказаться до конца жизни.

В конце концов, кто в молодости не мечтал о славе, странствиях с мечом, верных друзьях и пылкой любви?

Дело было не в глубокой душевной ране.

Просто в то время в его жизнь вошла девушка, которая подарила его неприкаянной душе чувство дома и надежды.

Тогда они были неразлучны, вместе странствовали по свету.

Тогда они пели песни, жили легко и свободно, наслаждаясь каждым мгновением, забыв обо всех заботах.

Но потом... многое изменилось, и сердце осталось беспокойным.

Люди меняются, и чувства, когда-то казавшиеся вечными, увядают, как цветы на ветру.

<http://bllate.org/book/21048/2140921>